

Затем уставился на высокомерную фигуру с оружием в руках: "Сюй Цинжань!"

"Я знал, что ты всегда был своенравным, но никогда не думал, что ты станешь таким ужасным! Циньянь - твой брат, как ты мог причинить ему боль?!"

Сюй Цинжань усмехнулся: "Действительно, мне следовало действовать раньше".

"Мне следовало сломать вам всем троим ноги в тот момент, когда я узнал, что вы двое спали вместе за моей спиной в мой день рождения".

В его голосе, холодном и отстраненном, звучала властность.

Взволнованная толпа постепенно начала смаковать разворачивающуюся драму.

Лу Чэн, не готовый к тому, что Сюй Цинжань расскажет об этом перед таким количеством людей, не смог скрыть румянец стыда и гнев на своем лице. Окруженный учениками и знакомыми учителями, он почувствовал, что его лицо горит.

Прежде чем он смог ответить, Сюй Цинжань повернулся к Сюй Циньяню, уловив вспышку ненависти в его глазах.

Он рассмеялся: "Ты прислал мне фотографии, на которых вы с Лу Чэном в постели в день вашей помолвки, похитили меня в Южном 13-м округе, отправил письмо Лу Чэну от моего имени и разыграл всю эту драму. Разве этот хаос не то, чего ты хотел?"

"Как тебе это? Сцена, которую я устроил сегодня, разве она не намного изощреннее, чем твои предыдущие маленькие проделки?"

Лу Чэн, застигнутый врасплох, нахмурил брови: "О чем ты говоришь?"

Сюй Цинжань слегка прищурился, бросив на него косой взгляд: "Ты действительно думаешь, что ты, Лу Чэн, кто-то значимый?"

"Такая использованная, грязная тварь, как ты, неужели мне действительно нужно было плакать, устраивать сцены и пытаться покончить с собой в день твоей помолвки?"

"И подумать только, ты - один из лучших полковников корпуса Серебряного дракона, но тебе не хватает даже элементарного здравого смысла". Его губы беззвучно скривились, когда он пристально посмотрел в глаза Лу Чэну, намеренно задевая его больное место, "Ты даже не сравним с Шэнь Тинью из корпуса Золотого крыла".

Как и ожидалось, губы Лу Чэна при этих словах слегка побледнели.

Но больше всего его ранил презрительный и незнакомый взгляд Сюй Цинжана, безмолвно пронзивший его сердце. Именно тогда он по-настоящему осознал глубокую трещину, которая образовалась между ними, казалось бы, непоправимую.

Сюй Цинжань заявил: "Позвольте мне прояснить это сегодня, я не имею никакого отношения к событиям на вечеринке по случаю помолвки".

"Но отныне на любом банкете, который ты, Сюй Циньянь, организуешь, я буду участвовать до конца".

Сказав это, он снова повернулся к Сюй Циньяню, который выпрямился, схватил его за

челюсть, чтобы добиться зрительного контакта: "Весь тот позор, который ты заставил меня вынести, теперь я должен полностью принять, чтобы чувствовать себя оправданным, верно?"

Его хватка была такой сильной, что казалось, он может вывихнуть челюсть.

Разгневанный Сюй Циньянь невольно вздрогнул под взглядом этих бездонных глаз. Прежде чем он смог сопротивляться, Сюй Цинжань отпустил его первым.

На этот раз Лу Чэн не сразу поддержал его, вместо этого тихо спросив: "...Циньянь, что именно происходит?"

Ногти Сюй Циньяня глубоко вонзились в его плоть, выражение его лица было смесью хрупкости и невинности: "Я не знаю, я не делал того, в чем он меня обвиняет..."

Услышав это, Сюй Цинжань вытащил из кармана пачку фотографий и подбросил их в воздух, рассыпав, как лепестки. Те, кто был достаточно близко, могли ясно видеть на фотографиях Сюй Циньяня и Лу Чэна, тесно прижатых друг к другу на кровати.

На них не было ни единого предмета одежды.

На последней фотографии в руке Сюй Цинжаня были часы, на которых четко была указана дата той ночи.

Это действительно было в день рождения Сюй Цинжаня!

"Ой? Итак, вы утверждаете, что во время вашего свидания в комнате находился третий человек, выступавший в роли вашего оператора? Иначе откуда взялись эти фотографии?"

Зрачки Сюй Циньяня сузились, когда он увидел их.

Фотографии, которые он анонимно отправил Сюй Цинжаню, должны были самоуничтожиться при просмотре. Как ему удалось их распечатать?!

Система объявила эту задачу в пределах своих возможностей.

Расшифровка любой неинтеллектуальной системы была для нее незначительной проблемой!

"Ложь, ничего, кроме лжи", - Сюй Цинжань четко выговаривал каждое слово, его взгляд был беспокойным, и ему не терпелось продолжить перепалку.

Но Лу Чэн удержал его.

Неизвестная боль промелькнула в глазах Лу Чэна: "...Прекрати, если ты станешь причиной смерти, тебя отправят обратно в Башню Зла".

Было похоже, что он думал о благополучии Сюй Цинжаня.

Тем не менее, Сюй Цинжань холодно усмехнулся, не оценив этого чувства: "Забудь о нем, если ты действительно будешь меня раздражать, я уничтожу и тебя тоже".

Лу Чэн, поджав губы, парировал: "Ты не можешь победить меня".

Хотя он так сказал, потрясение в его сердце не утихло.

Когда он защитил Сюй Циньяня от нападения, он почувствовал резонанс психической энергии от оружия Сюй Цинжана. Исходя из его боевого опыта и тренировок, такая сила указывала на психический резерв между классом В и А.

"...Но это Сюй Цинжань."

"Он знал его слабость больше, чем кто-либо другой, вот почему он всегда чувствовал необходимость защитить его."

Лу Чэн покачал головой, как будто хотел прояснить ее.

Внезапно до него дошло, что всего за несколько коротких месяцев Сюй Цинжань, который обычно следовал за ним повсюду, нуждаясь в защите, незаметно вырос. Он больше не смотрел на него восхищенными, любящими глазами. В этих прекрасных глазах теперь было только безжалостное презрение.

"Разве меня волнует, смогу я победить тебя или нет?" Сюй Цинжань внезапно улыбнулся ему.

На мгновение показалось, что они вернулись в былые дни.

Но затем его следующие слова жестоко столкнули его в ледяную пропасть: "Пока я могу откусить от тебя кусочек, мне все равно, умру я или нет".

В своей прошлой жизни Сюй Цинжань сталкивался со всевозможными безжалостными противниками.

Был ли это бой один на один или групповой, был ли его противник слабее или сильнее его, в его словаре никогда не было слова "отступление".

Это был либо марш к победе без кровопролития, либо борьба до последнего мгновения жизни.

Посреди напряженного противостояния мачеха, которая была психологически потрясена появлением Сюй Цинжана, внезапно бросилась к нему.

Стоя перед Сюй Циньянем, она разрыдалась: "Прекратите спорить и драться!"

"Это не вина Цинжана, это все моя вина!"

В свои сорок лет она выглядела как красивая женщина лет двадцати-тридцати. Она жалобно плакала, ее заплаканный вид вызывал всеобщее сочувствие.

Сложив руки на груди, с печальным выражением лица, она сказала: "Это была моя вина, что я привела Аньяня в семью Сюй и разрушила ее. Цинжань только что потерял свою мать, и мне не следовало беспечно соглашаться на просьбу его отца вступить в семью".

"Не вини этого ребенка, который потерял все. Вина лежит на мне!" Сказав это, она, дрожа, опустилась на колени, вызвав вздохи толпы. Некоторые из зрителей постарше посмотрели на Сюй Цинжана с осуждением.

Увидев это, отец Сюя быстро подошел, чтобы помочь ей подняться: "Ах, Айлиан, как ты можешь так говорить! Это также моя вина, что я не учел чувства Цинжана и настоял на том, чтобы ты присоединилась к семье Сюй пораньше, чтобы помочь присмотреть за этим

ребенком!"

Пара, казалось, согласовывала свои действия, явно пытаясь спасти свой собственный имидж и имидж семьи Сюй, отвлекая внимание.

Сюй Цинжань, наблюдая за почти коленопреклоненной парой, не только не выказывал никаких признаков вины или паники, но и вел себя праведно и непоколебимо, его взгляд был холодным и отстраненным, как у божества, судящего грешников.

Через мгновение он заговорил с легким смешком: "Тетя, ты уверена, что хочешь извиниться передо мной именно за это?"

"Или за то, что ты забралась в постель к моему отцу, когда моя мать была беременна мной, а годы спустя нагло проникла в семью Сюй со своим ребенком от моего отца? Или за то, что накачивала наркотиками мою мать во время беременности, что привело к моим врожденным психическим отклонениям и ухудшению ее здоровья, пока она не потеряла работу?"

"Или, возможно, за то, что организовала проникновение в наш дом и убийство моей матери, пока вы были с моим отцом?"

Мачеха внезапно подняла глаза, и мимолетное выражение ужаса на ее лице выдало ее истинные чувства.

Сюй Цинжань слабо улыбнулся, глядя вниз, словно наблюдая за незначительным насекомым: "Дай-ка подумать, тебе есть за что извиниться, но ничего из этого ты только что не упомянула, правда?"

В этот момент даже на лице отца Сюя появился намек на вину, а другие члены семьи Сюй, слушавшие это, были явно потрясены.

Не уверенные, были ли они больше шокированы темными секретами семьи или беспокоились о репутации семьи Сюй.

Лу Чэн, не менее ошеломленный, взглянул на Сюй Циньяня, который безучастно смотрел на Сюй Цинжана и его родителей, не выказывая особого удивления.

Как будто он с самого начала знал правду.

<http://bllate.org/book/14270/1262977>